

рисуютъ весьма близкія съ нашими народныя преданія, обычаи и суевѣрія; но за народнымъ бытомъ остается еще цѣлая область жизни, быть и понятія образованныхъ классовъ. Этимъ классамъ принадлежитъ руководство національной жизнью, и быть ихъ, напротивъ, представляетъ множество особенностей, у насъ неизвѣстныхъ (большинству читателей) и уже не имѣющихъ никакого сходства съ формами нашего общественнаго быта и нашими обычаями и нравами. Чтобы получить точное понятіе о всемъ характерѣ чешской жизни, очень важно было бы особенно знакомство съ тономъ и складомъ жизни образованныхъ слоевъ общества: сходства этнографическія, которыя мы можемъ найти, напр., между чешскимъ и русскимъ простымъ народомъ, не могутъ послужить мѣркой національной солидарности; эти сходства, во-первыхъ, простираются не на одни славянскія племена и, главное, вовсе не предрѣшаютъ согласія въ другой области понятій,—понятій общественныхъ и культурныхъ. Тотъ же чехъ-простолюдинъ, у котораго окажутся съ русскимъ одинаковыя повѣрья и суевѣрія, представится русскому настоящимъ нѣмцемъ по образу жизни, пріемамъ труда и культурнымъ привычкамъ. Если, такимъ образомъ, даже въ простонародной средѣ могутъ оказаться, при этнографическомъ сходствѣ, большія культурныя различія, остающіяся результатомъ различно проведенной исторіи, то еще больше окажется ихъ въ другихъ классахъ общества, еще болѣе примкнувшихъ къ нѣмецкому или вообще западно-европейскому культурному типу: въ этотъ типъ переходятъ и простонародные элементы жизни, по мѣрѣ возрастанія образованности. Не отрицая пользы перевода такихъ произведеній, какъ „Горные рассказы“ Ираска (или какъ переведенные давно рассказы Божены Нѣмцовой), мы думаемъ, что необходимо было бы обратить вниманіе и на такія произведенія чешской литературы, гдѣ рисуется жизнь образованнаго общества, и особенно со стороны общественно-политической. Правда, чешскій романъ и новелла, въ послѣднія десятилѣтія развившіеся до очень значительнаго внѣшняго объема, не очень богаты по этой послѣдней рубрикѣ, но могли бы все-таки доставить очень любопытный матеріалъ въ подтвержденіе упомянутаго различія. Если въ предлагаемыхъ намъ теперь „Горныхъ рассказахъ“ мы встрѣтимъ знакомыя этнографическія черты, то въ чешскомъ общественномъ романѣ мы, напротивъ, не найдемъ никакого подобія съ тѣмъ, что представляетъ русская общественность и изображающая ее литература.

Г. Степовичъ коснулся отчасти этого предмета, предлагая въ своихъ „этюдахъ“ характеристику одного изъ первостепенныхъ писателей современной чешской литературы — Верхлицкаго. Это имя